

27 АКТ 38 2

Одесса

Газета №

НА ГАСТРОЛЯХ В ОДЕССЕ

Московский Художественный театр впервые приехал в Одессу 29 мая 1913 года. В России, кроме Москвы, «художественников» слушали Петербург, Киев, Севастополь. Их знали за границей. Весь культурный мир говорил об этом театре, считая его лучшим в Европе.

«Художественному театру завидуют Германия, Франция, Англия, в нем видят, не раз заявляли это устами своих лучших критиков и знатоков, высокое выражение русского художественного гения», — писал известный историк этого театра Н. Эфрос. Московский художественный театр поднял русское театральное искусство на недостижимую высоту, на «вершину вершин», по образному выражению того же Эфроса. Естественно, что Одесса с нетерпением ждала начала гастролей.

Предвоенный, 1913 год. Газеты полны известиями о балканской войне, тревожными сообщениями о черносоотенных, погромных выступлениях «пеликановцев», хроникой самоубийств, грабежей, напад и насилий. Так, например, в день приезда театра в Одессу, черносоотенные бандиты, руководимые городским головой Пеликаном, громили типографию издательства «Культура», печатавшую падравленные против реакции брошюры. В газеты драчатся информация о революционных настроениях в армии, о забастовках и выступлениях студентов. Всем этим живет Одесса 1913-го года.

На театральных подмостках города царят оперетта и фарс. В театре Сибирякова идет водевиль Аверченко «Настоящие парни». Эстраду заволокли кафешантанные «дивы», куплетисты и жонглеры. В «спецматогфах» подвизаются «ясновидающая» 7-летняя м-ль Люция. И в эту мрачную обстановку врывается солнечный луч, который несут своей игрой артисты Художественного театра. Еще далеко до гастролей в городе создается атмосфера почтения театра, приезд которого встречен, как радостный праздник.

Газеты посвящают большие статьи творческому пути театра, его создателям и руководителям — Станиславскому и Немировичу-Данченко, его актерам — Качалову, Москвину, Книппер-Чеховой, Леониду и другим. У городского театра, в котором идут спектакли, всегда много народа. Однажды, после выступления К. С. Станиславский увидел у кассы театра толпу, которую разогнали полицейские. Станиславского окружила молодежь, завязалась беседа, и Константин Сергеевич узнал, что все эти люди собираются с вечера, чтобы кушту достать дешевые билеты. Полиция разгоняет их, так как у кассы разрешают собираться только с 6-ти часов утра.

— Как же нужно тогда играть, — воскликнул Станиславский, — чтобы вас вознаградить за это?

Гастроли открылись пьесой А. Толстого «Царь Федор Иоаннович».

Перед поднятием занавеса в зале падит торжественная тишина. Даже выложенная публика первых рядов, считающая признаком хорошего тона явиться, шумя и грохоча креслами, в середине акта, — давно уже на местах. Опоздавших нет. Галерея, заполненная истинными ценителями театра, в напряженном ожидании. Зал с жалким интересом слушает спектакль. Газеты этого времени отмечают, что Художественный театр в один день научил пренебрежительный партер уменью слушать.

Художественный театр своим приездом снова разбудил интерес к настоящему искусству. Вокруг его постановок разгорелись ожесточенные споры. Часть одесской театральной критики упрекала МХТ и его руководителя — К. С. Станиславского в излишнем натурализме, режиссерском диктаторстве, в подавлении индивидуальности актера. Незнающему другу и приверженцу МХТ, его историографу и критику Н. Эфросу приходилось на столбцах одесской печати доказывать несостоятельность этих обвинений. А театр с каждым следующим спектаклем своим сильнейшим оружием — художественной правдой завоевывал симпатии одесского зрителя и театральной критики.

«МХТ победил Одессу до конца», — писали газеты. — о Художественном театре говорят везде, все и всюду. Одним нравятся больше, другим меньше, но уже сам факт, что театр вызывает радостные и возбужденные толки, — отраден и прекрасен». Несмотря на небольшое количество постановок, Художественный театр показал Одессе много для нее нового, необычного.

заставил пережить эмоции, доселе неиспытанные ею в театре, — писал театральный критик Лоренцо.

В Одессе Художественный театр дал 16 спектаклей, которые проходили с неизменным аншлагом. На последнем выступлении зал устроил гостям бурную и длительную овацию; публика долго не расходилась, пока В. И. Немирович-Данченко не сказал зрителям «до-свиданья». Эти слова были приняты, как обещание снова приехать в Одессу. Станиславский, Немирович-Данченко и артисты были тронуты теплым приемом, который оказала одесская публика театру.

«Мы все прямо очарованы как городом и городским театром, так и одесской публикой, и это тем более дорого, что мы у кого из нас нет знакомых среди одесситов. Мы чувствуем, что то, что сделано нами в области театра, дало здесь, в Одессе, известные плоды. Не только по внешнему приему, но и по вестям, которые долетали до нас, мы видим, что мы что-то внесли в ваш город, что-то всколыхнулось, поднялся интерес к театру, начались споры о театре, о направлениях в искусстве и т.д., словом мы не напрасно ездили. Все наши артисты говорят, что очень хотят в будущем году приехать в Одессу», — писал перед отъездом из Одессы Немирович-Данченко.

Художественный театр, который начертал на своем знамени принципы жизненной и художественной правды, боружал и звал к просту против косной, рутинной действительности, учил мечтать о лучшем и ненавидеть настоящее. И поэтому чествование «художествен-

ников» вылилось в Одессе в настоящую демонстрацию.

В книге «Моя жизнь в искусстве» Станиславский пишет об этом:

«В Одессе проводы чуть было не окончились катастрофой. Это было в тот период, когда закипело одно из очередных предреволюционных брожений. Атмосфера была сгушенной, полиция-на-чеку. По выходе из театра мы, т.е. все артисты труппы, оказались окруженными большой и шумливой толпой. Она стискивала нас и несла за собой вдоль по улицам, по Приморскому бульвару. В конце бульвара толпу уже ждал отряд полиции. По мере того, как мы приближались к ней, атмосфера все более сгушалась вокруг нас. Каждую минуту можно было ждать, что полиция бросится разогнать толпу нагайками» (стр. 353).

Так прощалась Одесса с дорогими гостями.

Империалистическая война помешала театру исполнить обещание — приехать в будущем году. И лишь в 1925 г. новая, советская Одесса гостеприимно встретила старых друзей — артистов Московского Академического Художественного Театра.

Снова переполненный зал, затан дыхание, смотрит спектакль. Зритель рукоплещет режиссерскому искусству Станиславского, вдохновенной речи актеров — великой правде бессмертного искусства. Это новый, самый благодарный и самый требовательный зритель. Это — зритель великой социалистической страны. Эта встреча и проводы МХАТа превращаются в демонстрацию любви и признательности советского народа мастерам своего искусства.

И. БЕРТИН.
И. ЦИЗИН.